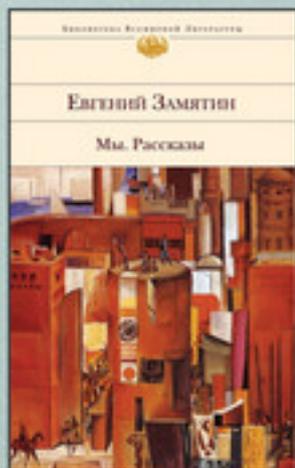

Евгений Замятин

Ловец человеков

*Часть сборника
Мы. Рассказы*

Евгений Замятин
Ловец человек

«Public Domain»

1918

Замятин Е. И.

Ловец человеков / Е. И. Замятин — «Public Domain», 1918

ISBN 978-5-457-12291-8

«...Самое прекрасное в жизни – бред, и самый прекрасный бред – влюбленность. В утреннем, смутном, как влюбленность, тумане – Лондон бредил. Розово-молочный, зажмурясь, Лондон плыл – все равно куда. ...»

ISBN 978-5-457-12291-8

© Замятин Е. И., 1918

© Public Domain, 1918

Содержание

1	5
2	6
3	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Евгений Замятин

Ловец человеков

1

Самое прекрасное в жизни – бред, и самый прекрасный бред – влюбленность. В утреннем, смутном, как влюбленность, тумане – Лондон бредил. Розово-молочный, зажмурясь, Лондон плыл – все равно куда.

Легкие колонны друидских храмов – вчера еще заводские трубы. Воздушно-чугунные дуги виадуков: мосты с неведомого острова на неведомый остров. Выгнутые шеи допотопно-огромных черных лебедей-кранов: сейчас нырнут за добычей на дно. Вспугнутые, выплеснулись к солнцу звонкие золотые буквы: «Роллс-Ройс, авто» – и потухли. Опять – тихим, смутным кругом: кружево затонувших башен, колыхающаяся паутина проволоки, медленный хоровод на ходу дремлющих черепах-домов. И неподвижной осью: гигантский каменный фаллос Трафальгарской колонны.

На дне розово-молочного моря плыл по пустым утренним улицам органист Бейли – все равно куда. Шаркал по асфальту, путался в хлипких, нелепо-длинных ногах. Блаженно жмурил глаза: засунув руки в карманы, останавливался перед витринами.

Вот сапоги. Коричневые краги; черные, огромные вотерпруфы; и крошечные лакированные дамские туфли. Великий сапожный мастер, божественный сапожный поэт...

Органист Бейли молился перед сапожной витриной:

– Благодарю тебя за крошечные туфли... И за трубы, и за мосты, и за «Роллс-Ройс», и за туман, и за весну. И пусть больно: и за боль...

На спине сонного слона – первого утреннего автобуса – органист Бейли мчался в Чизик, домой. Кондукторша, матерински-бокастая, как булка (дома куча ребят), добродушно поглядывала за пассажиром: похоже, выпил бедняга. Эка, распустил губы!

Губы толстые и, должно быть, мягкие, как у жеребенка, блаженно улыбались. Голова, с удобными, оттопыренными и по краям завернутыми ушами, покачивалась: органист Бейли плыл.

– Эй, сэр, вам не здесь слезать-то?

Органист удивленно разожмурился. Как: уже слезать?

– Ну, что, выпили, сэр?

Жеребьячьи губы раскрылись, органист мотал головой и счастливо смеялся:

– Выпил? Дорогая моя женщина: лучше!

По лесенке двинулся с верхушки автобуса вниз. Внизу, в тумане, смущенно жмурились, молочно-розовыми огнями горели вымытые к воскресенью окна Краггсов. Солнце шло вверх.

Органист вернулся к кондукторше, молча показал ей на окна и так же молча – обнял и поцеловал ее мягкими, как у жеребенка, губами. Кондукторша обтерлась рукавом, засмеялась, дернула звонок: что с такого возьмешь?

А органист нырнул в переулочек, ключом отомкнул тихонько заднюю калитку своего дома, вошел во двор, остановился возле кучи каменного угля и через кирпичный заборчик поглядел наверх: в окно к соседям, Краггсам.

В окне – белая занавеска от ветра мерно дышала. Соседи еще спали.

Снявши шляпу, стоял так, пока на занавеске не мелькнула легкая тень. Мелькнула, пророзовела на солнце рука – приподняла край. Органист Бейли надел шляпу и вошел в дом.

2

Миссис и мистер Краггс завтракали. Все в комнате – металлически сияющее: каминный прибор, красного дерева стулья, белоснежная скатерть. И может быть, складки скатерти – металлически-негнувшиеся: и может быть, стулья, если потрогать, металлически-холодные: окрашенный под красное дерево металл.

На однородно-зеленом ковре позади металлического стула мистера Краггса – четыре светлых следа: сюда встанет стул по окончании завтрака. И четыре светлых следа позади стула миссис Краггс.

По воскресеньям мистер Краггс позволял себе к завтраку крабов: крабов мистер Краггс обожал. С кусочками крабовых клешней проглатывая кусочки слов, мистер Краггс читал вслух газету:

– Пароход... ммм... долгое время вверх килем... Стучали в дно снизу... Нет, удивительный краб, прямо удивительный! Опять цеппелины над Кентом, шесть мужчин, одиннадцать... ммм... Одиннадцать – одиннадцать – да: одиннадцать женщин... Для них человек – просто как... как... Лори, вы не хотите кусочек краба?

Но миссис Лори уже кончила свой завтрак, она укладывала ложки. У миссис Лори была превосходная коллекция чайных ложек: подарок Краггса. Серебряные ложки – и каждая была украшена золоченым с эмалью гербом одного из городов Соединенного Королевства. Для каждой ложечки был свой собственный футлярчик, миссис Лори укладывала ложки в соответствующие футлярчики – и улыбалась: на губах – занавесь легчайшего и все же непрозрачного розового шелка. Вот дернуть за шнур – и сразу же настечь, и видно бы, какая она за занавесью, настоящая Лори. Но шнур потерялся, и только чуть колыхнется занавесь ветром вверх и вниз.

Исчезнувший мистер Краггс внезапно вынырнул из-под полу, уставился перед миссис Лори на невидимом пьедестале – такой коротенький чугунный монументик – и протянул наверх картонку:

– Дорогая моя, это – вам.

В картонке были белые и нежно-розовые шелковые комбинации, и что-то невообразимо-кружевное, и паутинные чулки. Мистер Краггс был взглядов целомудренных, не переносил наготы, и пристрастие его к кружевным вещам было только естественным следствием целомудренных взглядов.

Миссис Лори все еще не привыкла к великолепию. Миссис Лори порозовела, и быстрее заколыхалась розовая занавесь на губах:

– А-а, вам опять повезло... на бирже – или... где вы там занимаетесь операциями, кто вас знает...

– Угум... – мистер Краггс сосал трубку и, по обыкновению своему не поднимая чугунных век, улыбался на пьедестале победоносно.

Миссис Лори обследовала нежно-розовое, невообразимо-кружевное и паутинное, на одной паре чулок обнаружила распоротый шов и, отложив в сторону, нагнула щеку мистеру Краггсу. Краггс затушил пальцем трубку, сунул в карман и прильнул губами к щеке. Челюсти и губы мистера Краггса мысом выдвинуты вперед – в мировое море; губы сконструированы специально для сосанья.

Мистер Краггс сосал. В окно бил пыльной полосой луч. Все металлическое сияло.

3

Наверху, в спальне, миссис Лори еще раз оглядела чулки с распоротым швом; разложила все по соответствующим ящикам комода; старательно, с мылом, вымыла лицо; и вывела из шкапа новые брюки мистера Краггса: в них он пойдет в церковь.

В окно тянул ветер. Брюки покачивались. Вероятно, на мистере Краггсе – брюки прекрасны и вместе с его телом дадут согласный аккорд. Но так, обособленные в пространстве – брюки мистера Краггса были кошмарны.

В окно тянул ветер. Покачиваясь, брюки жили: короткое, обрубленное, кубическое существо, составленное только из ног, брюха и прочего принадлежащего. И вот снимутся, и пойдут вышагивать – между людей и по людям, и расти – и...

Надо закрыть окно. Миссис Лори подошла, высунула на секунду голову, медленно, густо покраснела и сердито сдвинула брови: опять?

На дворе справа, возле кучи каменного угля, опять стоял нелепо длинный и тонкий – из картона вырезанный – органист Бейли. Держал шляпу в руках, оттопыренные уши просвечивали на солнце, блаженно улыбался – прямо в лицо солнцу и миссис Лори.

Верхняя половина окна заела, и пока миссис Лори все сердитее сдвигала брови, нетерпеливо дергала раму – хлябнуло окошко слева, и захвохтал высокий, с переливами голосок:

– Доброе утро, миссис Краггс! Нет, каково, а? Нет, как вам это нравится? Нет, я сейчас забегу к вам – нет, я не могу...

Отношение миссис Фиц-Джеральд ко всему миру было определено со знаком минус: «нет». Минус начался с тех пор, как пришлось продать замок в Шотландии и переселиться на Аббатскую улицу. В органиста Бейли минус вонзался копьём. И как же иначе, когда одна из девяти дочерей миссис Фиц-Джеральд уже давно по вечерам бегала на «приватные уроки» к органисту Бейли.

Миссис Лори сошла в столовую мраморная, как всегда, и все с той же своей неизменной – легчайшего, непрозрачного шелка – занавесью на губах.

– Краггс, сейчас придет миссис Фиц-Джеральд. Ваши брюки вывешены – наверху. Да, и кстати: этот Бейли, вы знаете, просто становится невозможен, вечно глазеет в окно спальни.

Чугунный монументик на пьедестале был неподвижен, только из-под опущенных век – лезвия глаз:

– Если вечно, так... отчего же вы до сих пор... Впрочем, сегодня после церкви я поговорю с ним. О, да!

Миссис Лори повернулась задернуть шторы:

– Да, пожалуйста, и посерьезней... Просто больно смотреть: такое солнце, правда?

В дверь уже стучала миссис Фиц-Джеральд. Миссис Фиц-Джеральд – была индюшка: на вытянутой шее – голова всегда набок, и всегда – одним глазом вверх, в небо, откуда ежеминутно может упасть коршун и похитить одну из девяти ее индюшечек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.